

АННА КАЗАКОВА:

КОГДА МНЕ БУДЕТ ДЕВЯНОСТО, БУДУ РАЗГОВАРИВАТЬ СО СВОЕЙ МАСКОЙ

Нечасто бывает, чтобы актриса, да еще певица, вот так самоотверженно и одновременно эгоистично относилась к своей профессии. Быть улыбочивой, аристократически воспитанной — и не сдать ни пяди собственной позиции. Не спорить с режиссером, но и не поступиться собственным душевным движением. Пользоваться женской обольстительностью и не по-женски крепким умом. Ужас как сложны из-за всего этого оказались жизненные перипетии Анны Казаковой. Испробовав многие сцены, в том числе и великие, пока она уютнее всего чувствует себя в «Геликон-опере». Не скажешь, правда, что ее Катерина в «Леди Макбет Мценского уезда» роль очень уютная. Наоборот, не просто ужас — а ужас, ужас! Молодой, полуприкольный, но в любой момент готовый назваться академическим, театр «Геликон-опера» поразил музыкальную Москву смелостью своей постановки шедевра столь же загадочного, сколь и скандального. И главная фигура в этом спектакле — шальная от любви героиня Казаковой. Не было ни одного критика, который не признал бы это безоговорочно.

Фото Игорь Иванчиков

Всё, что было — 2001 — 13 — 19 апр. — с. 7

Аня, по-вашему, как Шостаковичу удалось из мультяшечки создать образ, вызывающий глубокое сочувствие? Сам Лесков ужаснулся этой женщине.

— Когда Дмитрий Александрович Бертман предложил мне петь Катерину, первая моя реакция была — «нет!». Не только потому, что образ жуткий. Я однажды слышала, как певица Мариника Лоскутова, настоящие драмсоперано, без дураков, пела Катерину. Она жутко напрягалась. Как вспомню все эти выкрики красивым голосом... Я тогда подумала, что не хотела бы петь эту партию. Я люблю оперу за то, что она передает высокие чувства. А тут много низких. Да еще и сатирическая нота у Шостаковича. Опушение такое.

— Как Бертман вас уговорил? — В 1999 году я с «Геликоном» поехала на гастроли в Америку, пела Лизу в их «Пиковой даме». Геликонский спектакль меня потряс. И я приняла для себя решение. Я поняла, что важно в принципе участвовать в любой постановке именно этого режиссера.

— Вы сопротивлялись образу Катерины, а получили, будто ее специально для вас писали. Какими усилиями?

— Может быть, я сложно объясню. Я очень хорошо чувствую трагедию, которую принесла социалистическая революция, потом эпоха Сталина. Советский период тяжело отразился на жизни моих предков. Для меня в этой опере есть прямая аналогия между Катериной и самой Россией, расстрелявшей своих священников. Мне кажется, что Шостакович, человек гениальной души, не мог врать. Живой женский организм Катерины попал в такие условия, когда можно только отупеть. Ее унижают, и она, так никогда и не расцветшая, движима уже одними инстинктами. Помните, в фильме «Катерина Измайлова» героиня Вишневской клянется в любви на фоне цветущих вишневых садов? Это классно сделано, потому что только в этой сцене Катерина такая, какая она есть, какой она рождена.

— И ваша задача была все-таки вызвать сочувствие? — Скорее дать что-то в задание. Чтоб люди не думали, что несмотря ни на что, ни на какие их преступления, все будет хорошо. Ну и что же, что Сталин убивал — а нас теперь это не касается... Пусть люди узнают себя во многих своих проявлениях! Шостакович каждого выставляет лицом самому к себе. Кто делал аборт — в ужасе столкнется лицом к лицу с Катериной. Кто бросал женщину — увидит в себе Сергея. А те, кто не увидит... Будешь всю жизнь бегать от себя — в конце жизни все равно сам с собой встретишься. Вот в чем сила, мощь Шостаковича: он не дает людям индифферентно проходить мимо образов. А Катерина настолько сильная, что ей не нужно никакого сочувствия и ничьей жалости. Я хочу только, чтобы ее простили.

— Вы сами пережили в жизни что-нибудь подобное? По виду не скажешь — всегда такая лучезарная, победительная.

— Что у человека внутри, то и снаружи. Считайте так. Даже кем и чем он себя окружил — в конечном счете выдает то, как он сам о себе мыслит. А уж жалость, особенно к себе, вообще вещь мало практичная.

на одну афишу со своим. И со всей ответственностью.

— Я очень уважаю эту гениальную певицу, подходила к ней, чтобы она меня послушала. Но у Ирины Константиновны не нашлось тогда ни одного свободного часа.

— Потому что вы образцовая. А у них, кажется, отношения не очень...

— Нет, я тогда была ничей. — В общем, ни туда и ни сюда.

— Ну что делать. Образцова живет только собой. Если уж она пошла на то, чтобы играть драматическую роль...

— Ничего стыдного для певицы, только похвально.

— Это я к тому, что ее собственная творческая энергия потребовала следующей реализации.

— В 1993 году вы получили первую премию на международном фестивале в Ланголетте, в Великобритании. Это имело какое-нибудь практическое последствие?

— Мне тогда открылась возможность остаться в Уэльсе. Учиться у прекрасного педагога. Но реальной поддержки лично от кого-то я не получила. И я испугалась, что буду вынуждена выехать в страну, даже не зная

толком языка. Там надо было работать, но не петь. То есть рисковать по полной программе. Я не отважилась.

— Была еще Мариника. И что?

— Я поехала туда, послушала. Гергиев взял меня на Ольгу в «Псковитянке» и деву Февронию в «Китеже».

— Да что ж вы у Гергиева-то не остались?

— У Мариники нет обидчивости. А у меня тогда, в 97-м году, в Санкт-Петербурге совершенно не было знакомых, у которых я могла бы жить. И оплата очень маленькая. И город чужой, незнакомый. И климат неподходящий. Холодно. А если еще и жить негде...

— Вы пять лет пели все ведущие партии в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко — Мими, Татьяну, Дездемону, Милитрису, Иоланту... Когда вы вдруг перешли в «Геликон», стало ясно, что в Станиславского на вас тайно молились. И получились: «мы ее растили для своего театра, а она, неблагодарная...» Вот это было скандал! Известно ли вам, что главный режиссер «Геликона» Бертман, чтобы хоть как-то отвести от вас удары и упреки, собрался чуть ли не формальный брак с вами оформлять?

— Нет, я не знала. Но упреки были несправедливы. А история очень простая. Куда проще. После

какой романс кажется вам самым пронзительным?

— «Вокализ» Рахманинова. «Мелодия» на стихи Надсона — «Я б умереть хотел на крыльях упоенья». «Примирение» Чайковского — «О заши, мое сердце, глубоко...»

— Ну, довольно вы старомодная, однако.

— Это точно. Это глюк с детства — что я из XVIII века. Девочкой я себя комфортно чувствовала только в платьях с рюшечками, с богатыми кружевами... чтобы талия резко очерчена... чтобы корсет... Может, это родовая память — все-таки предки с папиной стороны были дворяне. Бабушки мои в Институте благородных девиц учились.

— Вы шикарно выглядите в геликоновских спектаклях — в корсете, с рюшечками, в кринолине. А что мечтаете спеть, но пока вам не предложили?

— Опер я не буду касаться; пусть сама она выйдет, эта опера, ко мне.

— Но я хочу, чтобы у меня был свой собственный спектакль.

— В каком смысле собственный?

— Спектакль одного актера. Чтобы я была там главной. Я вижу себя как архетип эпохи.

— Ну ничего себе! А архетип — это практически как?

— Вот вы слышите «Дыша духами и туманом» — и сразу говорите: это Блок! Да? Слышите «Поет начало арии Неморино из «Любовного напитка»» «Уна фуртыва лагрима» — и сразу понимаете: это Донизетти, Италия два века назад, море, плеск воды, замки на берегу, сладкий воздух. Есть такие архетипические произведения. Вы увидели рисунки Бердслея или Мухи: длинноволосые красивые, томные, чистые, в цветах, в завитушках — это модерн. Вот так что-то должно соответствовать времени Чайковского. Я хочу вспомнить его романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Вам бы с Хамдамовым познакомиться?

— Как бы мне хотелось!

— Если ваши друзья сюда, в Москву придут — в какие театры вы их поведете?

— На балет.

— А на оперу-то?

— Нет, в Большой поведу, на «Лебединое озеро». Слушать в Большом ничего невозможно. А посмотреть — вполне. Декорации шикарные. Все-таки Вильямс и Федоровский были гении. Богатыри.

— Сейчас в Большом возобновили «Евгения Онегина» с действительно роскошными старыми декорациями... Кстати, о Баскове, который там Ленского теперь поет. Как вам?

— Коля хороший человек. Я ведь когда кончала консерваторию, он занимался на подготовительных курсах, мы очень мило общались, много болтали, столько кофе выпили в студенческом буфете. Очень приятный человек.

— Его класка в Большом театре сильно портит впечатление.

— Клака есть у всех.

— И у вас?

— У меня — нет. Я мало зарабатываю.

— Интересно, а девушка из XVIII века смотрит ли телевизор и что именно?

— Канал «Культура». Все зарубежные оперы и балеты. Художественные фильмы великих режиссеров. Мне нравилась передача «Угадай мелодию» с Пельшем. Но больше всего я люблю документальные фильмы. Это единственное, что по-настоящему имеет смысл.

— Ум и образованность артисткам, говорят, во вред. И характер у вас, как видно, не самый простой. Вы ладите с людьми?

— Я Козерог. Ум у меня во многом рациональный. Кого-то привлекает, что я стараюсь помогать. Но бывает и так: я кому-нибудь серьезно советую; сходи туда, сделай это, прочти то... А человек просто искал сочувствия, поплакать хотел.

— Если вернуться к театру: как поступаете, если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Клака есть у всех.

— И у вас?

— У меня — нет. Я мало зарабатываю.

— Интересно, а девушка из XVIII века смотрит ли телевизор и что именно?

— Канал «Культура». Все зарубежные оперы и балеты. Художественные фильмы великих режиссеров. Мне нравилась передача «Угадай мелодию» с Пельшем. Но больше всего я люблю документальные фильмы. Это единственное, что по-настоящему имеет смысл.

— Ум и образованность артисткам, говорят, во вред. И характер у вас, как видно, не самый простой. Вы ладите с людьми?

— Я Козерог. Ум у меня во многом рациональный. Кого-то привлекает, что я стараюсь помогать. Но бывает и так: я кому-нибудь серьезно советую; сходи туда, сделай это, прочти то... А человек просто искал сочувствия, поплакать хотел.

— Если вернуться к театру: как поступаете, если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

— По своему эмоциональному складу могла бы. Но никогда так не сделала. С Бертманом это вообще не актуально. С ним никаких конфликтов не происходит. Наоборот, он снимает все мои зажимы. Но с другими бывало. И тогда первое, что я делаю, чтобы не сорваться, — пускаю в ход женское обаяние. Одновременно я занимаю индифферентную позицию по отношению к происходящему. Напрямер. Идет большое красивое вступление в «Эрнани». Появляется Эльвира со свечой. Она как будто бы ищет Эрнани. Потом поднимается по лестнице и почему-то, по воле режиссера, становится спиной к зрителям. И первую фразу поет именно так. Я хочу вспомнить ее романсы в спектакль! Чтобы чувствовался уход эпохи... ангелы кружком... ночи... неразделенная любовь... глубокие переживания... Я хочу стать проводником этой эпохи.

— Если режиссер требует сделать на сцене то-то и то-то, а вы не согласны? Вы закатываете истерику?

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ ПОСТАНОВЩИКА ОПЕРЫ — СДЕЛАТЬ ТАК, ЧТОБЫ МУЗЫКА НИКОМУ НЕ МЕШАЛА

Что у вас нового?

Год назад я вдруг задумал все ночи предмилленума провести в кабаках, чтобы написать гротеск «Москва в ночь Апокалипсиса». Помните разговоры о том, что сатана или, наоборот, Спаситель придут именно после двух тысяч лет новой эры, в последнюю ночь? Едва ли не все 365 ночей я посещал презентации, юбилей, гулянки, светские рауты — и часть увиденного и услышанного действительно вошла в книгу «Кумиры, гангстеры, премьеры». Так вот — я разочарован. Во всей этой беспашной столичной суете я не открыл ни гениев чистой красоты, ни пророков. Выпирала лишь импотентность голосовых связок и мозговых извилин. Лишний раз понял талейрановское: политика — искусство грязь и продажности, искусство же — политикански выморожено. Это не та красота, о которой мечтал Федор Михайлович. И я перешел от жизнеописания калифов на час к жизнеописанию людей, без которых наше прошлое выделось бы неполным, а будущее просто непредставимо.

Вячеслав Сенчагов — экономист, академик, консультант правительства по финансам, бывший председатель Госкомпен СССР. Вопросов к нему тьма. Сколько стоит Россия? Кого завалит доллар — Россию или Штаты? Что он ответил Горбачеву, позвонившему из машины в тот самый черный день, когда обрушились цены?..

Самвел Гаспарян — сорокасемилетнее лицо кавказской национальности, московский армянин, — выращивает овец и свиней, кормит в быстро вечно спешащих московских ресторанах дешевыми пирогами, дарит префектурам сказочные детские площадки, стрижет жителей Красноказарменной улицы в своей суперпарикмахерской. И это при том, что в первой половине своей жизни Самвел гонял чай с Брежневым и Чубриновым, дружил с министрами обороны и был в чести у всего космонавского корпуса Звездного городка!

Надежда Викторовна Шотт — лучшая целительница России. Я пришел к ней, испытыв все методы противостояния члудипу-казино. Помогите пожалуйста! И познакомился с испещренными — начальником одного из УВД Москвы, избавленным от зильберштейн-андрониковского «Парисона»; некогда слепым стариком, который переходил сам на светофор после трех сеансов; двухлетним чеченцем, которого целительница спасла от ожогов...

Все это — мои новые герои, персонажи книги «Магпаты-маги-президенты», которая должна выйти в мае этого года.

Что вас волнует?

Главное — не разочароваться бы в придуманной мной тоненькой, как апрельская вербочка, озорной, как весенний котенок, соблазнительной, как набобовская Лолита, пламенноволосой Машеньке, ставшей главной героиней моего «Казноиножного романа», который пишу освобожденным от московских загулов ночами в глухой подмосковной деревеньке.

Из жизни Почетных Кавалеров

историк, писатель и журналист Сергей БУРИН

Почетный Кавалер «ВК» Сергей Бурин с первых дней существования нашей газеты и до начала 1995-го вел рубрику, посвященную проблемам ТВ. Читатели со стажем помнят также его статьи об истории Москвы, раннем революционном движении в России, шестидесятилетках XX века и многом другом. Долгое время нам было известно о нем лишь то, что в конце 1994 года г-н Бурин и его родственники стали жертвами финансовых пирамид и потеряли квартиру в центре столицы.

И вот в первых числах апреля Сергей Бурин вновь появился в «ВК». После кофетинки и обмена искренними любезностями выяснилось следующее. За минувшие годы он отнюдь не превратился в бомжа. Сумел написать и опубликовать 15 книг и учебников, не говоря уже о многочисленных статьях, обзорах, рецензиях, в особенности же — переводах англоязычных повестей и романов, число которых приближается к сотке. Правда, г-н Бурин любезно предупредил своих поклонников и завистников от следования столь напряженному режиму: за последний год с небольшим он трижды попадал в больницы из-за физического истощения. Но, едва выйдя оттуда, наш Кавалер-трудолюбивый бросался к временно осиротевшему компьютеру.

Из своих работ последних лет сам г-н Бурин наиболее высоко ценит некоторые из учебников, а также книги о Наполеоне, Козловском и Берли. Последнего автор издал под псевдонимом, поменяв пару букв в своей фамилии и оказавшись «Н. Рубиным». Со времени завершения работы над книгой г-н Бурин обнаружил в архивах немало новых интереснейших документов о жизни и деятельности Берли, которые он предоставляет нашей редакции.

Встречалась Наталья ЗИМЯНИНА

Следующие спектакли оперы Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда» с участием Анны Казаковой состоятся в «Геликон-опере» 20 и 21 апреля.